КИНО

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» большое место уделено проблемам кинодраматургии. Сценарий — основа произведений киноискусства, во многом определяющая их идейную и художественную ценность. Сегодня газета публикует выступления кинодраматургов С. Жгенти и Г. Полонского, рассказывающих о своем творческом опыте

Я ЛЮБЛЮ историю. Любой эпизод из прошлого моего народа — увлекательнейший сюжет для героического романа. Кстати, и мой первый литературный опыт в кино основывался на историческом сюжете, хотя и не столь отдаленного прошлого. По мотивам повести Р. Гветадзе я написал сценарий фильма «Ностры горят», в котором рассказывалось о том, как простой крестьянский парень Гоин Зауташвили стал профессиональным революционером.

но остались молодыми. С фронта многие не вернулись. Но пришли домой другие мальчишки. Опаленные порохом, возмужалые. С серьезным не по годам взглядом. И начали восстанавливать страну от разрухи. Мальчишек, которым посчастливилось вернуться, называют уже сейчас ветеранами. Один из них и мой Александр, которого, на мой взгляд, отлично, с большим тактом и любовью сыграл Додо Абашидзе в фильме «Свет в наших окнах».

Александр уже не молод. И, кажется, не заинтересо-

воотверженности отцов, как их воспитанник, их выученик. Вот она, эстафета отцов!

Меняются уклад, образ жизни, привычки. Меняется техносфера. Наука способна все поставить «с ног на голову». Но есть неизблемое. Есть вечные качества, которые нельзя приумножить производством заменителей.

В сценарии фильма «Тепло твоих рук» я хотел рассказать о простом деревенском очаге, где свои радости, свои беды. А в центре семьи — мать. Не этакая наседка, хлопочущая о благополучии своих чад, — чтобы все были сыты и обуты, нет. Но, однако, и не героиня-подвижница, которой больше всех надо. «Деда-бодзи» — так у нас называют в сельских домах мать, основательницу, хранительницу очага. Такой я пытался писать простую крестьянку Сидонию. Но ограничить ее жизнь кругом семьи я не смог. Старый Ясон, чувствуя приближение кончины, обращается к Сидонии: поезжай-ка в город, к сыновьям. Посмотри, что делается на белом свете. Сидония (за исполнение этой роли Софи-ко Чиатурели получила приз на Всесоюзном фестивале) отвечает: «Все, что случилось на белом свете, прошло через мой двор». Причастность ко всему стала главной чертой Сидонии — матери сыновей, ответственной за каждый их шаг по жизни.

Только что на экраны вышел фильм «Саженцы». Он еще ждет суда зрителей. Но независимо от оценки, которую дадут профессиональным качествам ленты, мне он дорог, так как здесь я пытался продолжить тему преемственности. Сюжет нехитер: старик с внуком отправляются в дальний путь за саженцами грушевого дерева особого сорта, которое плодоносит через много лет. В начале путешествия внук не может взять в толк, зачем деду далось все это, если он даже плодов не застанет. Но в пути случаются встречи, перед ними проходит вереница людей. Мальчик наблюдает за дедом, учится науке жить. И постигает дедову мудрость — дереву плодоносить в будущем, для других, но для этого кому-то надо его посадить.

Такой уж получился разговор, что я обращаюсь к собственным примерам. Быть может, потому, что, если пересмотреть весь мой «багаж», получается — собрались люди разные, а определяющая черта у них одна: непримиримость ко злу.

Добродушие, как известно, не есть гуманизм. Добро становится действенной силой, когда оно измеряется ответственностью за себя и окружающих. Гуманизм советских людей — черта социальная.

Я уже говорил, как часто приходится слышать голоса: а стоит ли возвращаться к теме войны? Хватит, мол, сколько пережито. Война, дескать, стала историей.

Во-первых, пока живы вдовы и сироты, не остынет земля на братских могилах. Не станет война исторической хроникой, пока актуальны трагедия, боль, насилие. Во-вторых, различным может быть и взгляд художника на тему. Скажем, улыбка была оружием и на фронте.

Задумал я героическую комедию о войне. Могут ведь прийти на память не танки, а люди, сила которых была еще и в оптимизме.

Вы помните, создавался одно время в нашем кинематографе вакуум на живых героях, достойных подражания? Завидная судьба у прозвездения, в котором молодежь находит предмет для подражания. И коль скоро мечтать об этом никому не запрещено, я взялся за перо. Скажу только, что герои мои — русский, украинец, грузин — молодые солдаты, для которых я не пожалел всех добрых качеств: находчивости, храбрости, честности, силы. Речь не о суперменах. Ребята эти будут сильны дружбой, верностью.

Во всяком случае, стимулирующее в работе у входа в кинотеатр. Все приходит сюда со своими такими разными заботами. А наша работа — чтобы вышли они из кинозала, объединенные общим чувством, общей тревогой, общей надеждой.

САМОЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ — ЧЕЛОВЕК

Впрочем, каждому значительному событию, свидетелем которого являемся мы, разумеется, тоже суждено со временем стать историей.

Наша действительность культивировалась веками, как тысячелетняя культура

вать ему своими подвигами «неконтактельными» молодежь — трех юнцов, с которыми он поселился в общегитити. У них свои интересы, и отставной, нескладный, добродушный вояка вызывает лишь улыбки. Что же, пре-

Сулико ЖГЕНТИ,
кинодраматург

пшеничного колоса. И научные открытия «заказаны» нам мечтами предков: ковер-самолет или родник «живой воды», который, мы убеждены, благодаря науке, забудет реальным ключом.

И вот мы с вами, современники, пишем свою страничку истории, из которой потомкам уже не вычеркнуть ни строки. И только от знаний, воли, гражданских качеств живущих сегодня зависит облик будущего.

В большой степени роль историографов действительности принадлежит литераторам. Признано, что наша эпоха богаче событиями, оказывающими реальное влияние на ход истории, нежели многие предыдущие века. Сегодня в день мы получаем информации больше, нежели наши предки за год. Расстояния более не разделяют мир, происходящее в любой точке земного шара мгновенно становится достоянием всех. Огромно чувство сопричастности и, следовательно, всеобщей ответственности за каждое человеческое деяние.

К нам, советским людям, эта ответственность пришла отнюдь не умозрительным путем. Она завещана отцами, делавшими революцию, основавшими общество, являющееся сегодня совестью планеты. И как бы хотелось каждому из нашего писательского цеха, в меру сил и способности, внести свою лепту в созидание сегодняшнего и завтрашнего дня.

Мне часто приходилось отвечать на вопрос: почему я взялся в своем «Отце солдата» за военную тему? Связано ли это с лично пережитым? Нет, отвечал я, хотя и мне пришлось воевать мальчишкой, и не раз во фронтовых окопах встречал я таких вот отцов солдата, трогательных и вместе с тем суровых, сильных, взявших от родной земли твердость и веру. Но война, по моему замыслу, была не темой, а обстоятельством, крайней ситуацией, в которой человеческие качества проходят испытание. Георгий Махарашвили, попадаи он в иные обстоятельства, тоже нашел бы куда применить свои силы и вновь остался бы самим собой.

Как и я, ушли со школьной парты на фронт мальчишки в фильме «Ну и молодежь». Эту сакраментальную фразу приходится слышать мальчишкам всех времен. Но именно эта безудная, беззаботная, без жизненного опыта «ну и молодежь» была вграву. Их подвиг выиграл войну. Их «ван» воинствующим гуманизмом отцов, самим духом нашего советского общества.

Мои одноклассники навеч-

словоуто извечный конфликт поколений? Да нет, всего лишь внешняя амбиция. Ведь и почвы-то для конфликта никакой. Ладят, работают вместе. Но день за днем нехитрая мудрость, такт, большая душа Александра заставляют ребят не только задуматься, но и признать, что жил он и воевал не напрасно. Его сердце полно добра к мальчишкам. Что из того, что говорят они на «разных языках», но говорят ведь об одном — о чести, долге, человечности. И на рядовом житейском перекрестке, мне казалось, можно увидеть большую тему преемственности поколений.

Однажды довелось мне общаться с делегацией прогрессивных американских деятелей. Показать им хотелось все: предприятия, колхозы, вузы и т. д., и т. п. Прощаясь, гости сказали, между прочим, что их поразило, как это люди по вечерам рискуют гулять в парках. Поразили не столько понятные сами по себе успехи экономики и науки, а характер социальных отношений в нашем обществе. Подумалось: ни одна научно-техническая выставка СССР за рубежом не в силах сделать больше для пропаганды нашего строя, нежели знакомство с самими советскими людьми. А это ли не предмет искусства — социальный портрет нашего человека?

Рассказывают, как бывший кадровый офицер царской армии, перешедший в итоге на сторону Советов, экзаменовал в академии красноармейского командира, прошедшего однуединственную школу — гражданскую войну. Экзамениатор поставил задачу на дислокацию обороны. Ответивший тут же предложил решение. «Да нет же, милейший, с такими силами вы проиграете». — «Да нет, товарищ экзаменатор, я выиграл». И напомнил точно такой же случай, с той лишь разницей, что экзаменатора и экзаменуемого разделял тогда не стол, а боевые траншеи. «Так это были вы?». Все дело в том, что «экзаменатор» подсчитывал наличный состав, а «экзаменуемый» опирался на конкретных людей, их дух и характер. Победу одержали вера и убежденность. А ведь по сей день теоретики ломают голову над чудом: каким образом Красная Армия могла победить в гражданскую войну?

И снова преемственность. Преемственность человеческих качеств, когда уже возвращены и действуют «гены» героизма. Когда человек, первым сформулировавший космос, мог ругаться именно у нас, как наследник са-